

Грамота № 962

Найдена не при раскопках, а в ходе археологического наблюдения за инженерными работами по реконструкции водопровода на северо-восточном углу современных улиц Никольской и Михайловой.

Это два фрагмента, образующие целый документ — большое письмо из девяти строк:

{п}чоломъ быкъть Олексеі + О Заболотья Софонтею Тимоф [ѣ]ю чю ксте приказали
 мнѣ свою землю нонѣ ѿсподо подоваль кси пожни вашимъ здоровьемъ положи гра
 моту по чому еси даваль приказали старѣшии и азъ даваль а нонѣ попь повѣс
 тутъ такъ да [а]валь кси пожни [ивнаим] ѿ хто іметъ ты пожни косить и азъ
 тыхъ поймаю да траву на воротъ взважю да ихъ веду в городъ нонѣ
 ѿсподо какъ о мнѣ са печалутеса? азъ вамъ свои осподе чоло
 мъ быю толко ѿспо имете мене жаловать о ѿтошлите ѿсподо {п} ко мнѣ
 грамотьку до Петрова дѣни занежь ѿсподо сенокосать ѿ Петрове
 дни

Длина 30,3 см, ширина 6 см.

Стратиграфической даты грамота не имеет, но есть возможность уточнить ее датировку. Дело в том, что непосредственно под грамотой обнаружен клад серебряных монет новгородской чеканки («новгородок»), датированных концом второй четверти XV в. (до 1447 г.).

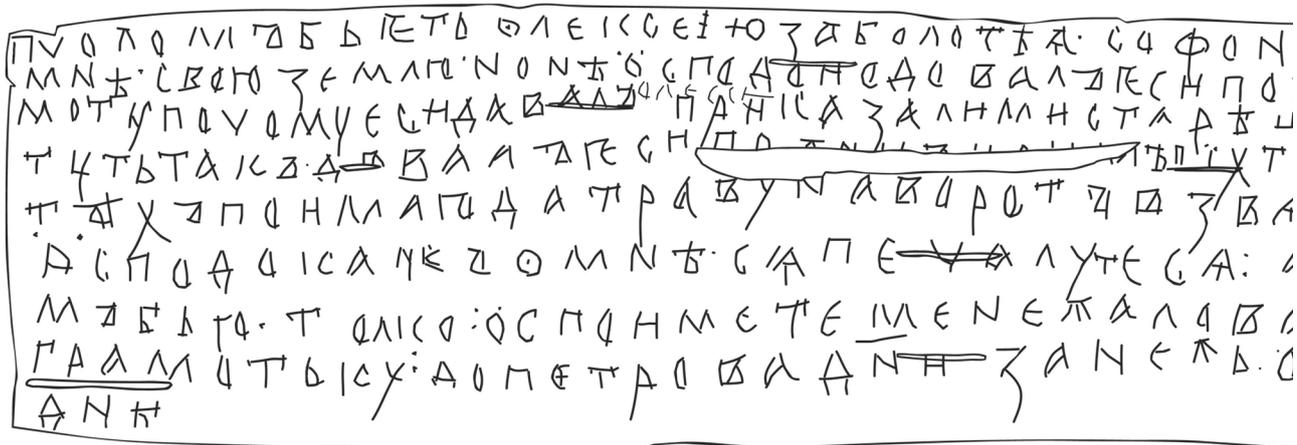
Внестратиграфическая оценка только широкая: 2 пол. XIV – XV в.

Как заметил находчик грамоты С. В. Трояновский, упоминаемый в грамоте Софонтий может быть тем же лицом, которое фигурирует в берестяной грамоте № 466 первой половины XV в., найденной в непосредственной близости от перекрестка Никольской и Михайловой улиц.

Текст делится на слова так:

{п} Чоломъ быкъть Олексеі + О Заболотья Софонтею Тимофью. Чо ксте приказали мнѣ свою землю, нонѣ, ѿсподо, подоваль кси пожни вашимъ здоровьемъ. Попъ молвить: Положи грамоту, по чому еси даваль. Олесеі: Приказали ми старѣшии, и азъ даваль. А нонѣ попь повѣстутъ такъ: Даваль кси пожни в наимы, і хто іметъ ты пожни косить, и азъ тыхъ поймаю да траву на воротъ взважю, да ихъ веду в городъ. Нонѣ, ѿсподо, какъ о мнѣ са печалутеса? А азъ вамъ, свои осподе, чоломъ быю. Толко, ѿспо, имете мене жаловать, о ѿтошлите, ѿсподо, {п} ко мнѣ грамотьку до Петрова дѣни, занежь, ѿсподо, сено косать ѿ Петрове дни.

Лишняя буква *n* в начале — вероятно, автор сперва хотел написать *поклонъ*; лишнее *n* также в {*n*} *ко мнѣ* (строка 7). В строке 3 в *и азъ даваль* буква *а* была пропущена и втиснута потом; то же с буквой *t* в *печалутеса* (строка 6). В строке 6 в слове *какъ* после *ка* зачеркнуто *л*. В строке 7 в *о ѿтошлите* в начальном *о ѿто* как *о*, так и *t* выражены дважды; в конечном *те* буква *t* переправлена из *о*. В строке 8 в слове *петрова* *e* в *пе-* переправлено из *о*. В последней строке автор начал писать *днѣ*, но потом переделал последнюю букву в *и*. *Свои* вместо *свои* (в *свои осподе*, строка 6) — ошибка (встречающаяся в грамотах и рукописях неоднократно). О знаке + см. ниже.

Прорись грамоты № 962

Для передачи начального *o*- служат, как и во многих других грамотах, буквы **o** (широкое *o*) и **o** (очное *o*); но наряду с этим может использоваться и другой способ: пишется обычное узкое *o*, но со знаком тремы — двумя надстрочными точками (иногда тремой снабжается и широкое *o*).

Ять в части случаев записан как *e* (в том числе под ударением перед твердой согласной в слове *сено*).

Специфических новгородских черт в грамоте нет; но стяжение гласных в презенсе (о котором см. ниже) — северновеликорусское.

Рассмотрим наиболее интересные точки текста.

Заболотье (или мн. число *заболотьа*) означает ‘место за болотами’ (ср. *заболотье* и *заболотье* в СРНГ, 9: 265); но в данном случае это скорее всего название конкретной деревни.

Но написание **+o** *заболотьа* неоднозначно. Здесь прежде всего неясна роль знака +. Это может быть обычный вид буквы *i* (в данном случае просто лишней); окказиональный пунктуационный знак; окказиональный предупреждающий знак при **o**, возможно, указывающий на то, что **o** здесь равносильно *от* (или **o^r**).

Возможные версии: 1) **o** *заболотьа* (В. мн.) ‘о деревне Заболотья’ или просто ‘об участках за болотом’; 2) **o** вместо **õ** (+ Р. ед.) — ‘от деревни Заболотье’. Более вероятно второе.

Приказали свою землю — поручили управление ею. Алексей явно служит (в качестве управляющего) у двух феодалов — Софонтия и Тимофея.

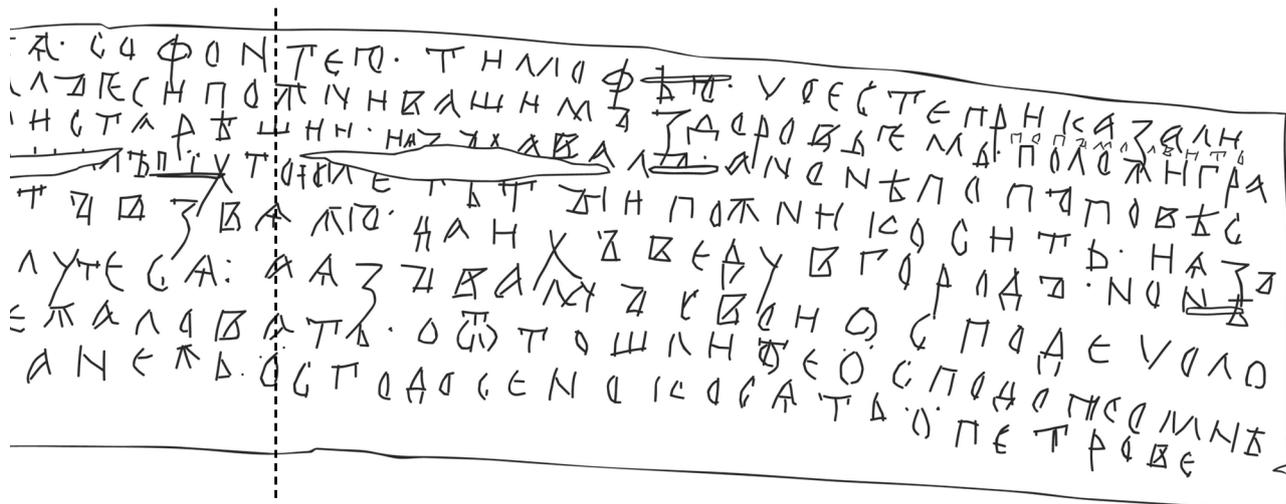
Для фразы *нонѣ, осподо, подаваль кси пожни вашимъ здоровьѣмъ* необходимо принять предположение А. А. Гиппиуса о том, что *кси* — это ошибка вместо *късмь* (или *късми*).

Подоваль вместо *подаваль* в принципе может быть результатом аканья (как уже отмечено, в грамоте нет новгородских признаков); но всё же более вероятно, что это просто ошибочный повтор идущего раньше такого же *подо*: *осподо подоваль*. Кроме того, форма *довать* могла возникать в окающих говорах под влиянием приставки *до-*; сходным образом в окающих северных говорах и рукописях появляются *начлежь*, *начевать* — под влиянием приставки *на-*.

В отличие от современного языка, словоформа *под(а)валь* относится здесь к совершенному виду — подобно современным *пораждал*, *поотдавал*; ср., например, *что кси, Осподине, конѣ подаваль* ... в грамоте № 446.

Вашимъ здоровьѣмъ — известная формула; ср., например, *земля ... сама ся окупить твоимъ здоровьѣмъ* в грамоте № 104. *Здоровье* — ‘благополучие, сила, авторитет’, то есть данная формула здесь практически означает ‘с полномочиями от вас’.

Таким образом, управляющий говорит, что те земли, которые ему поручили, он раздал от имени своих господ.

Дальше в основном тексте (то есть без учета надстрочных приписок) идут два предложения, в которых неясно, кто «ты», а кто «я»: *положи грамоту по чому кси давалъ* ‘предъяви грамоту, на основании которой ты давал’; *приказали ми старѣиши и азъ давалъ* ‘приказали мне старшие (старосты), и я давал’. Непонятно, кто это говорит и как связать эти фразы с остальным текстом.

Надстрочные приписки разрешают эту проблему: над *положи* надписано *попъ молвить*, и тем самым понятно, что это поп требует от Олексея подтверждения его полномочий; над *приказали* надписано *олесеі*, то есть это Олексей ссылается на приказ старост.

В этом месте получил блестящее подтверждение осуществленный А. А. Гиппиусом (2004а) анализ коммуникативной структуры берестяных грамот, в частности тот его тезис, что в этих грамотах без всякого предупреждения после речи автора может пойти речь другого лица. Ясно, что вначале автор грамоты (или писец, если автор писал не сам) поступил в точном соответствии с тезисом Гиппиуса — привел чужие слова без всякого предупреждения о том, кто это говорит. И лишь позднее решил всё же это для большей ясности уточнить.

Дальнейший текст Олексей (или писец) написал уже с указанием того, кто что говорит, прямо в тексте.

Повѣстуть ‘говорит, повествует’ — вряд ли просто пропуск буквы *к* в *повѣстуктъ*; скорее это севернорусское стяжение с долгим гласным типа [рабѣта:т] ‘работает’, [тр’ѣбу:т] ‘требуют’. Эта особенность представлена также ниже в слове *печалутеса* (вместо *печалуктеса*).

Воротъ в древнерусском и в современных говорах означает ‘шея’ (современное значение ‘воротник’ у этого слова вторичное); ср. перс. *gardan* ‘шея’ (из *vartana*).

Взвязати — очень колоритный глагол, в котором приставка *вз-* передает движение снизу вверх (в данном случае от земли, где находится трава, к шее человека).

Да траву на воротъ взвяжю — явно как знак того, что они крали сено. Очевидно, украденное привязывали на шею пойманного вора. Яркое свидетельство о таком обычае, сохранившееся в литературном языке, — пословица *Брань на вороту не виснет*.

М. Н. Толстая нашла подтверждение этого в этнографической литературе — в работе М. Седовой (2003) «Быт томичей на крестьянском дворе» мы читаем: «Сурово наказывало общество и за воровство; вору вешали украденное на шею и водили по селу, чтобы всякий мог его ударить и плюнуть». По свидетельству белградского профессора Л. Раденковича, в восточной Сербии обычай вешать на шею украденное сохранялся еще в XX в. (сообщено С. М. и М. Н. Толстыми). Широко распространено поверье, что вор после смерти будет носить все украденное на шее. См. подробнее Толстая 2015.

Какъ **о** мѣ са печалутеса — судя по позиции первого **са**, слово *какъ* подверглось вторичной проклитизе (см. Зализняк 2008, § 0.2), т. е. *какъ о мѣ* — единая тактовая группа.

Са печалутеса — «двойное **са**», явление, характерное для позднерусского периода (см. Зализняк 2008, § 4.13). *О -луте* из *-лукте* см. выше.

Словоформа *оспо* производит впечатление недописанной, особенно на фоне нескольких примеров полного написания *осподо*. Однако более вероятно другое объяснение, а именно, связь формы *оспо* с формой *осре* ‘господин!’, регулярно употребляемой у Фенне в качестве обращения (Фенне, 196.5, 196.7, 197.1, 204.5).

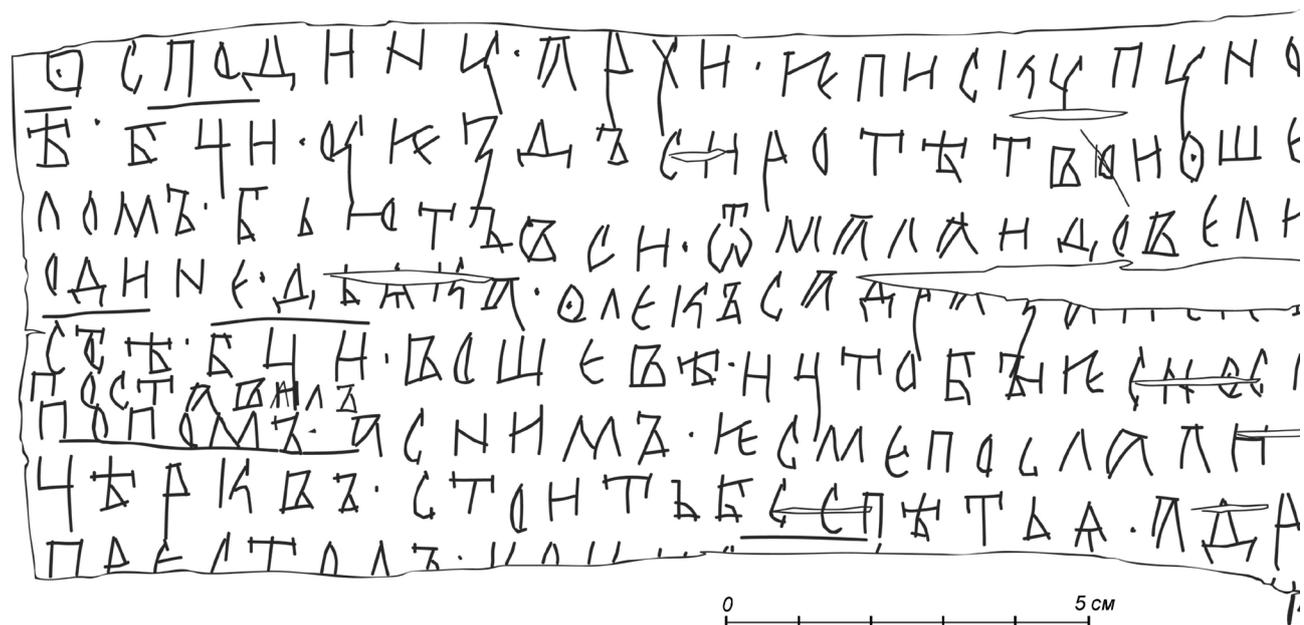
Следует учитывать, что слово *господа* (*оспода*) относилось к подвижной акцентной парадигме (см. Зализняк 2014: 158); соответственно, звательная форма *осподо* была энклиноменом, т. е. в позднерусском имела ударение *осподо*. Это позволяет предложить следующую гипотезу о дальнейшей эволюции обращений ‘господа!’, ‘господин!’. Как и многие другие частотные обращения, форма *осподо* могла усекаяться; ср. усечения и «сжатия» в случаях типа *-с* из *сударь*, [msjɔ] из *mon seigneur* и т. п. Утрата безударного конечного *-до* давала *оспо*. Внешнее совпадение конечного *о* этой формы с окончанием вокатива должно было породить отношение «полное *осподо* – краткое *оспо*», откуда обобщение «полное *оспод-* – краткое *осп-*». Тогда и при полных обращениях *осподи* и *осподине* можно ожидать аналогического *оспе*. Если эта гипотеза верна, то *оспо* в грамоте № 962 лежит у истоков того развития, которое через сто с лишним лет привело к *осре* у Фенне.

Из грамоты видно, что конфликт Олексея с попом — это спор о том, кто имеет право распоряжаться землей; власть попа явно выходит за рамки церковных дел. В конце письма Олексей просит господ, если они его «пожалуют», то есть решат спорный вопрос в его пользу, прислать об этом «грамотку» до Петрова дня — даты, когда по общерусской традиции начинали сенокос.

Последняя фраза (*занежь, ѿсподо, сено косать ѿ Петрове дни*) на первый взгляд звучит несколько странно — как если бы кто-то в тогдашней Руси мог не знать, когда начинается сенокос. Наиболее правдоподобное решение (предложенное М. А. Даниэлем) здесь таково: автор хотел сказать «пришлите грамотку (подтверждающую мои права) до Петрова дня, потому что в Петров день поп осуществит свою угрозу», и это совершенно нормальная структура дискурса; но вместо «поп осуществит свою угрозу» он сказал просто «будут косить», справедливо считая, что эта эквивалентность адресатам ясна.

Итоговый перевод:

Прорись грамоты № 963

‘Челом бьет Олексей от Заболотья (?) Софонтию и Тимофею. Что [касается того, что] вы поручили мне свою землю, то я теперь пораздавал пожни от вашего имени. Поп говорит: «Предъяви грамоту, на основании которой ты давал». Олексей [говорит]: «Приказали мне старшие (старосты), и я давал». А теперь поп говорит так: «Ты давал пожни в наймы, а кто будет те пожни косить, тех я схвачу, да траву на шею привяжу и поведу в город (то есть в Новгород)». Как, господа, теперь обо мне позаботитесь? А я вам, своим господам, челом бью. Если, господа, меня пожалуете, то отошлите, господа, ко мне грамотку до Петрова дня, потому что, господа, сено косят на Петров день’.

Грамота № 963

Найдена на Кремлевском раскопе (к западу от Грановитой палаты), в квадрате 4, на уровне пласта 2 (29,20–29,00 м по счету от уровня моря). Это три фрагмента, образующие почти целый документ (недостает лишь начала последней строки):

ОСПОДИНУ·АРХИ·ЕПИСКУПУ·НОВЪГОЦКОМУ·ВЛАДКЪ·СЕМЕНУ·СТ
 Ъ·БЦИ·ОУКЪЗДЪ·СИРОТЪ·ТВОИ·ОШЕВЬСКИ·ПОГОСТЪ·РЖЕВИЦИ·ТЕБѢ
 ЛОМЪ·БЬЮТЪ·ВСИ·ШМАЛАИ·ДОВЕЛИКА·ОСПОДА·РЮ·ПОСЛАЛИ·КЪ·МЕ·ОСП
 ОДИНѢ·ДЪАКА·ОЛЕКЪ·СА·ДРА·ЗА·[НЕЖЪ·БИ·ШЪ·ЦЫ]·И·ДЪ·ДЪ·КЪ·ГО·ПЪЛЪ·ОУ
 СТЪ·БЦИ·ВОШЕВѢ·И·ЦТО·БЪ·КЪ·СИ·ОСПОДИНѢ·КЪ·СТЪ·БЦИ·ТО·ГО·ДЪАКА
 поставилъ
 ПОПОМЪ·АСНИМЪ·КЪ·МЕ·ПОСЛАЛИ·ТРУ·ФА·НА·ШЪ·ПО·ГО·СТА·ЗА·НЕЖЪ
 ЦЪ·РКЪ·ВЪ·СТОИТЬ·БЕСПЪ·ТЪ·А·Д·ДРУ·ГО·КЪ·ОСПОДИНѢ·СТЪ·ВЛА·ДКО
 ПРЕСТОЛЪ·В·[ОЦЪ·Р]·(КЪ·ВЪ)·[Ш]·-----·(-)·КАКЪ·ОСПОДИНѢ·О·ТО·МЪ·ОУ·КА·ЖЕ
 (ШЪ)·-----·[ТИ*]·П·[РЕ·СТОЛЪ·Г·С·А·ИНѢ]

Два раза писавший пропустил слог: *новъгоцкому* вместо *новъгороцкому* и *ломъ* вместо *челомъ* (в последнем случае при переходе со строки на строку).

